

Вечером вернулся второй мужчина, принеся несколько коробок с едой. Они сели за низкий квадратный стол, покрытый слоем жира: она, Линь и двое мужчин заняли места с четырёх сторон.

Линь была совершенно неузнаваема. На ней был надет розовый детский костюмчик, волосы мягко спадали на плечи, а личико было чистым, словно яичный белок — нежным и прозрачным.

Она замерла, поражённая. Ей ещё не доводилось видеть такой красивой девочки, даже среди дочерей из высшего общества. Она подумала, что, когда Линь вырастет, она станет настоящей красавицей.

Линь, опустив голову, жадно набивала рот едой, проглатывая всё с таким неистовством, словно была голодным призраком, вернувшимся с того света.

Она взглянула на блюда: жирная свинина в красном соусе и пара овощных закусок, выглядевших крайне непривлекательно. Ей было трудно понять, как Линь может есть это с таким удовольствием. Сама она не могла проглотить ни куска и холодно смотрела на мужчин.

Один из них, ничуть не смущаясь, сказал Линь:

— Малышка, мы ведь твои благодетели. Когда попадёшь в хорошую семью, это будет куда лучше, чем скитаться по улицам. Вырастешь — не забудь отплатить нам добром.

Второй мужчина усмехнулся и посмотрел на застывшую девушку. В его глазах читалась неприкрытая жажда убийства. Линь всё видела.

Внезапно снова заплакали младенцы. Она отложила палочки и прошла во внутреннюю комнату. На глиняной лежанке лежали трое крошечных детей; их кожа была прозрачной, как чистейший нефрит.

В приюте, где она выросла, было полно таких же детей. Они плакали день и ночь, словно их маленькие души уже чувствовали, что были брошены в этот мир как ненужный мусор. Она сама прошла через это. После четырёх лет она перестала плакать навсегда. Она никогда не понимала: если родители не хотели её, зачем было даровать ей жизнь, обрекая на страдания?

Встреча с Хуном, возможно, была подарком судьбы, но она так и не сумела его оценить...

— Чёрт побери, ревут и ревут! Только и знают, что орать целыми днями! Ещё раз пискнут — прирежу, мать вашу! — ворвался в комнату мужчина, изрыгая проклятия.

Младенцы заплакали ещё громче.

— Дяденька, дайте им поесть, они голодные, — вошла следом Линь.

— Какая ещё еда? С голоду не подохнут! — мужчина был пьян; они пили весь вечер, праздную предстоящий куш.

Второй мужчина вошёл следом, держа в руках бутылочку, и рывкнул:

— Ты что, нажрался в стельку? Имел бы хоть каплю совести! Они сутки ничего не ели! Если слягут от голода, кто их купит?!

— Малышка, в шкафу есть сухая смесь, иди разведи им, — он швырнул бутылочку Линь.

Линь приготовила смесь, вошла в комнату и, корча забавные рожицы, принялась успокаивать детей. Вскоре плач стих, и послышалось их робкое агуканье.

Дети жадно сосали молоко, а Линь молча наблюдала за ними. Спустя много лет она так и не сможет описать то чувство, что охватило её тогда. Глядя на этих несчастных малышей, она понимала, что их судьбы уже сломлены. Никто не знал, что за люди их купили и что ждёт их в будущем. Да и что будет с ней и Чунь?

— Чунь, ночью, когда они уснут, я помогу тебе сбежать, — прошептала Линь ей на ухо.

— И как же ты это сделаешь? — спросила она.

Линь понизила голос:

— Скоро расскажу. Сегодня ночью ты обязана уйти.

Она понимала, что значит это «обязана». После этой ночи она, возможно, не проживёт долго. Линь повезло больше — её хотя бы купят как человека. А её, судя по их разговорам, ждёт участь донора органов...

Она не боялась смерти. Она боялась лишь того, что умрёт осквернённой, а её тело будет изуродовано.

Она посмотрела на Линь — девочку, которая так беспокоилась о ней.

Этой ночью решалась их судьба. Жизнь или смерть — всё висело на волоске.

<http://bllate.org/book/20764/2083554>